

Фантас тика
ВЛАДИСЛАВА
КРАПИВИНА

Выстрел с монитора

Гуси-гуси, га-га-га...

Застава на Якорном поле

Крик петуха

Белый шарик Матроса Вильсона

Сказки о рыбаках и рыбках

Лоцман

В ночь большого прилива

Кораблики, или «Помоги мне в пути...»

ВЛАДИСЛАВ
КРАПИВИН

В глубине
Великого Кристалла

ПОГРАНИЧНИКИ



Москва
2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К77

Разработка серии *А. Саукова*
Иллюстрация на переплете *В. Коробейникова*

Крапивин, Владислав Петрович.
К77 В глубине Великого Кристалла. Пограничники /
Владислав Крапивин. — Москва : Эксмо, 2019. —
640 с.

ISBN 978-5-04-102875-6

«Крик петуха» — центральная повесть цикла. В ней фигурируют герои «Гуси, гуси, га-га-га...», «Выстрела с монитора», «Заставы на Якорном поле» и многие другие. Здесь появляется секретная обсерватория «Сфера», занимающаяся проблемой многомерных пространств, и Башня на стыке миров. Также объясняется, кто такие Пограничники — дети, умеющие проходить сквозь грани Кристалла.

Во второй повести продолжается история кристалла Яшки, научившегося превращаться не только в звезду, но и в настоящего живого мальчика.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

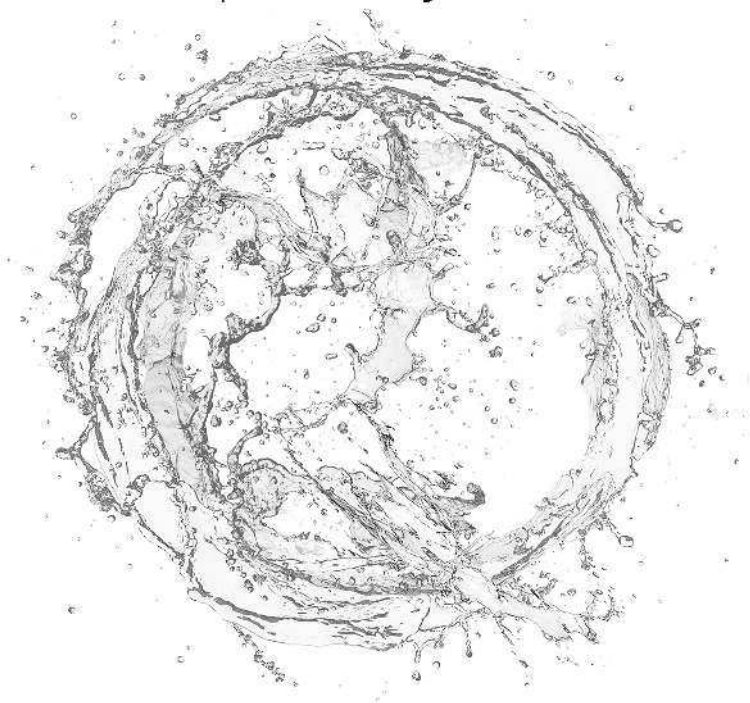
ISBN 978-5-04-102875-6

© Крапивин В.П., 2019

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Крик петуха



ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ДАЧНАЯ ЖИЗНЬ ВИТЬКИ МОХОВА

КРИГЕР

1

Первый раз Витька появился в обсерватории «Сфера», когда окончил четвертый класс. Два дня бродил он всюду, раскрыв рот и распахнув глаза. Удивлялся башням, куполам и локаторам, гигантской решетчатой чаше РМП. А еще больше — скалам и дикому шиповнику, густоте окрестного леса, чистоте высокого неба и прозрачности ближнего озера. На третий день он изложил свое мировосприятие в стихах, которые немедленно были напечатаны в обсерваторской газете «Пятый угол».

Я от счастья чуть не плачу:
Вот приехал я на дачу.
Здравствуй, мой любимый дед,
Здравствуй, мой велосипед!

Буду я на нем кататься,
Буду в озере купаться,
Буду плавать и нырять,
Кверху пупом загорать.

Мне на пузо сядет мошка
И поест меня немножко,

А насытив аппетит,
Снова в небо улетит.

Я обед ей не нарушу,
Мошка тоже хочет кушать.
Я к букашкам всей душой:
Мошки — крошки, я — большой.

Во саду и в огороде
Равновесие в природе.
Ходят куры у куста,
Вот какая красота!

Стихи обрели шумную популярность. Их цитировали по всякому поводу. Толстая лаборантка Вероника Кугель положила их на музыку и пела под гитару. Лишь директор обсерватории Аркадий Ильич Даренский не разделял общего энтузиазма. Во-первых, он вообще смотрел на все явления со здоровой долей скепсиса. Во-вторых, Аркадий Ильич (в силу этой же привычки) углядел в словах «буду я на нем кататься» некоторую двусмысленность. Так ли прост этот внешне симпатичный, но почти незнакомый (и к тому же похожий на отца) десятилетний отпрыск Михаила Мохова?

Кроме того, профессор Даренский придерживался вполне логичного мнения, что специальное научное учреждение закрытого (насколько это возможно в нынешние времена!) профиля отнюдь не должно служить местом дачного отдыха для кого бы то ни было. Пусть это даже родной внук директора обсерватории.

Но, с другой стороны, делать было нечего. Витькина мать активно занималась решением личных проблем. Витькин отец, который числился сотрудником «Сферы», был официально объявлен пребывающим в далекой и длительной командировке, а на самом деле находился неизвестно где. То есть не совсем неизвестно, но... Впрочем, это особый и отдельный разговор... Так или иначе, а кроме «любимого деда», приютить Витьку на каникулы оказалось некому. Это и заявила Аркадию Ильичу дочь Кларисса:

— Можешь ты хоть раз в жизни позаботиться о единственном внуке?

Аркадий Ильич пытался возражать. Единственному внуку, мол, самое место в летнем лагере, а не в обсерватории среди взрослых и занятых важными делами мужиков и теток... Выяснилось, однако, что внук «малость чокнутый» (видимо, в папочку). В лагерной толпе жизнерадостных и дружных сверстников он сохнет, бледнеет, а по ночам (если верить бдительным воспитательницам) часто не спит, сидит на подоконнике и смотрит «куда-то в небесные пространства». Так было в прошлом году.

— А в этом он вообще уперся, как упрямая коза: «Не поеду, там скучища!»

В довершение слов Кларисса начала всхлипывать. Профессор Даренский, в работе своей человек твердый и решительный, в семейных коллизиях таких свойств не проявлял. Ну и вот...

Витька оказался вовсе непохожим на замкнутое, одинокое дитя. В обсерватории он со всеми зажил душа в душу. А лучшим его другом сделался младший научный сотрудник Михаил Скицын, по поводу чего дед буркнул: «Рыбак рыбака...»

Замечание деда было не совсем понятным. На Витьку Скицын вовсе не походил. Черный, как головешка, какой-то немного кривобокий, с крупным носом и ехидными, сидящими на разном уровне глазами, он был известен как скандалист и автор сумасбродных идей. Временами оказывалось, что идеи не столь уж сумасбродны, а потому и скандалы объяснимы, но слава оставалась.

В отличие от других Скицын с Витькой не церемонился. То и дело подначивал и критиковал. Так было и со стихами. Скицын заявил, что выражения «обед ей не нарушу» и «насытив аппетит» неграмотные, а в последнем четверостишии — излишняя умиленность. Это было уже просто бессовестно! Ведь кто-кто, а уж Мишенька-то лучше всех должен был ощутить ироничность Витькиных виршей.

— Все понимаешь, а цепляешься!

— Ну ладно... — смягчился Скицын. — А врать все равно не стоило. Какие здесь куры? Один петух...

Витька сказал, что сочинял стихи, а не перепись птичьего двора, и куры — это... как его... поэтический образ.

Скицын сморщился, нос его больше обычного отъехал в сторону.

— «Образ»... Такого красавца поменял на каких-то дохлых абстрактных куриц... Такого рыцаря и героя!

Витька глянул подозрительно: нет ли здесь намека? Не видел ли случайно Скицын, каким скандальным было знакомство с пернатым «героем и рыцарем»?

Петуха звали Кригер.

Безусловно, этот горластый красавец был одной из важных достопримечательностей «Сферы». Приезжавшие сюда иностранцы просили показать «господина Кригера» наряду с новейшим четырехмерным телескопом — преобразователем пространства, построенным группой «Кристалл-2».

Не было в обсерватории человека, который относился бы к «господину Кригеру» безразлично. Поклонники петуха восхищались его внешностью. Перья Кригера отливали всеми оттенками меди, латуни и даже червонного золота. Хвост напоминал оранжево-алый плюмаж рыцарского шлема. Крылья были оторочены бархатисто-траурной каймой, а тяжелая двойная бородка и свисавший на сторону гребень словно состояли из прозрачных икринок, налитых гранатовым соком.

Но, по мнению многих, роскошное оперение Кригера не искупало его коварного нрава. Этот разбойник имел привычку подкрадываться издали, потом налетать с боевым воплем и клевать ноги, а то и спину. Случалось, что он получал отпор, но и тогда не покидал поле боя, а разбегался и повторял атаку. Однако даже самые лютые недруги Кригера отдавали должное одному его несомненному качеству — пунктуальности. С точностью до десятых долей секунды это уникальное существо оповещало всех о наступлении астрономического полдня и полночи и так же строго отмечало четырехчасовые отрезки суток.

Без сомнения, Кригер считал «Сферу» своим родовым поместьем. Он появился на свет здесь — вылупился из ку-

пленного на рынке яйца в самодельном инкубаторе под коробкой терморегулятора базового гироскопа. Выдумка с инкубатором, естественно, принадлежала Скицыну. И, конечно же, Михаил объяснял астрономическую точность Кригера тем, что он родился на осевой линии Кристалла. «А вредность у него от «крестного папы», — не упускал случая добавить Аркадий Ильич Даренский.

В первые дни судьба не сталкивала Витьку и Кригера. Витька слышал петушинные вопли, видел издалека этого медью сверкающего крикуна, однако особо им не интересовался. Кригер Витькой — тоже. Но на четвертый день (уже после стихов в газете) Витька лежал животом на каменном ограждении садового бассейна, беспокоил шепкой ленивых декоративных карасиков и вдруг услышал сзади шумный шелест и топанье. Не успел он оглянуться, как в ногу пониже коленного сгиба воткнулось копьё. Или стрела. Витька взвизгнул, кувыркнулся в бассейн, обалдело вскочил по поясу в воде. Кригер — перья и гребень торчком — бил крыльями по ракушечному барьеру. Глядел непримиримо и прицельно.

— Чё надо! — постыдно завопил Витька и в бегстве взбаламутил пятиметровый водоем от края до края. Господин Кригер преодолел то же расстояние на крыльях. Дальше он гнал перепуганного пацаненка по плиточной дорожке между двух заросших подпорных стен, и дорожка эта привела в предательский тупик. Витька ладонями с размаха уперся в железные ворота гаража, обернулся... Кригер не спешил. Топтался в пяти шагах, подметая крыльями пыль. Готовился. Примерялся... Витька беспомощно съежился и, глядя в петушинный оранжевый глаз, жалобно прошептал:

— Не смей, скотина... Нельзя. Не подходи. Между нами это... стенка. Понял? Стен-ка...

— Ко-о... — презрительно сказал Кригер, шумно разбежался... С отчаянного перепуга Витька мысленно грянул перед собой с неба стену из бронированного стекла. И... рыжий бандит шмякнулся о невидимое! Ошеломленно сел на хвост, по-человечьи раскинув растопыренные лапы. Икнул. «Получилось!» — Витька и возликовал, и даже испугался. До сих пор его опыты с гипнозом и внушением терпели провал.

Кригер встал. Пошатался. Шагнул прочь. Оглянулся. Подумал, наверно: не попробовать ли еще?

— Иди, иди, — сказал Витька. И вообразил сидящую рядом, у ноги, лису — большую, зубастую, с густой апельсиновой шерстью. Так вообразил, что лисья шерсть будто по правде зашекотала ему ногу. А Кригер, позабыв о гордости, с воплем ударился в бега.

Витька отдышался, огляделся. Не видел ли кто его недавнего малодушия? Кажется, нет... А то ведь не спасся бы он от ехидно-ласковых расспросов и подначек, несмотря на свою поэтическую славу.

Он вытряс из-под рубашки трепещущего карасика, отнес его в бассейн. Потом занялся «раной»: вывернув ногу и шею, глянул себе под коленку. Была крупная кровавая точка, была припухшая синева вокруг. Все это рядом с большой, похожей на арбузное семечко родинкой. Может, Кригер и метил в родинку? Принял за жучка или зернышко? «Красивый, а дурень», — подумал Витька уже добродушно, он был человек не злопамятный. У себя в комнате он смазал след от клюва бактерицидкой. Тот быстро подсох, но потом иногда еще побаливал. А на ноге осталось темное пятнышко — будто вторая родинка...

С той поры, встречая Кригера, Витька моментально вспоминал зубастую лису. И мысленно пристраивал ее рядом, как собаку на поводке. Кригер торопливо удалялся. Правда, в этой поспешности уже не было заметной паники. Кригер делал вид, что ему срочно нужно куда-то по важному делу, а мальчишку с лисой он вроде бы и не видит.

Потом лиса сделалась не нужна. Кригер привык обходить Витьку стороной. А если они и оказывались рядом, то смотрели друга на друга без интереса. Словно был между ними молчаливый уговор: сохранять нейтралитет. Скицын, который обожал Кригера, говорил с ноткой разочарования:

— Смотри-ка, не лезет. Чует, чей внук...

Дело в том, что такой же нейтралитет сохранялся между петухом и директором «Сферы». Кригер, видимо, нутром чувял начальство. А профессор Даренский хотя и не любил «рыжего пирата», но терпел.

2

Продолжая рассказ о Кригере, следует отметить еще одно его свойство. Крайнее любопытство. Особенно любил он шумные споры. Когда в круглой комнате дискуссионного центра группа «Кристалл-2» наваливалась (во главе со Скицыным) на своих оппонентов, Кригер устраивался в проеме открытого окна и слушал, склонив гранатовый гребень. Услыхав особо удачный аргумент или крайне запальчивую фразу, Кригер возбужденно переступал шпористыми лапами и довольно говорил: «Ко-о...»

Любил Кригер и перепалки между директором «Сферы» и его другом профессором д'Эспозито, который месяцами жил в обсерватории — прикипел к проблемам Кристалла. Особых разногласий в объяснении принципов Перехода и теории совмещенных пространств у Аркадия Ильича и Карло д'Эспозито не наблюдалось. Но пылкий старый итальянец был воспитанником иезуитского колледжа, ревностным католиком и все сложности мироздания объяснял изначальной мудростью Творца. Это приводило яркого материалиста Даренского то в горячее негодование, то в состояние холодного ехидства.

Трудно понять, что привлекало Кригера в спорах двух научных светил. Витька, по крайней мере, в них ничего не понимал. И все-таки иногда они (Витька в кресле, в углу дедова кабинета, Кригер на перилах балкона) слушали, как Аркадий Ильич и д'Эспозито у редакторского компьютера препираются по поводу совместной статьи для «Академического вестника».

— Послушай, Карло, а если записать так: «Явление столетней давности, известное под названием «Черемховский эффект» и давшее в наши дни резонанс, адекватный современному фактору типа «эхо», свидетельствует, что...»

— А нельзя более по-русски, если уж писать на этом языке?

— Я не Лев Толстой!

— Это да...

— ...Не Лев Толстой! И кроме того, ученые мужи в Цен-

тре иную терминологию все равно не приемлют! Главное — суть! А она в том, что «возникновение резонанса между так называемыми субъективными болевыми точками индивидуума и гипотетическим всеобщим психогенным полем ведет к практически мгновенному изменению пространственно-временной структуры в данном витке Кристалла...».

— «Витке Кристалла»! О Господи... звучит-то до чего дико!

— Не более дико, любезный Карло, чем «о Господи» в устах одного из основателей новой теории пространственно-временных структур...

— Которые, кстати, никоим образом не отрицают участия Творца в их создании и развитии...

— Так и записать? — язвительно спрашивал Аркадий Ильич.

— Это незачем записывать! Это ясно любому разумному человеку!.. А неясно вот что: при чем вообще виток и перестройка структур в «Черемховском эффекте», если там имело место лишь линейное перемещение в одном пространстве?

— А «эхо», возникшее в иных гранях почти через век!

— И тем не менее там действовал принцип тривиального линейного вектора, с Мёбиус-вектором не имеющий ничего общего...

— Карло, я тысячу раз просил! Не смей при мне упоминать о Мёбиус-векторе, этой дикой выдумке авантюриста Мохова. Он еще больший мракобес, чем ты, и... Виктор! А ты что здесь торчишь? Неужели, кроме моего кабинета, нет места, чтобы бездельничать?

— Здесь кресло удобное, — безмятежно отвечал Витька, делая вид, что не слышал упоминания об отце.

— Ступай отсюда...

— Дядя Карло, а вы меня тоже прогоняете, да?

— Не ходи никуда, Витторио! Сиди здесь... Слушай, как твой дед льет мыльную воду с пузырями на своего старого друга! Сейчас он будет бить меня по лысине футиляром от меридианного дубль-гироскопа Кларенса...

— Ко-о... — с удовольствием говорил на балконе Кригер.

— Очень нужна мне твоя глупая лысина, — ворчал Аркадий Ильич. — Виктор, марш гулять!

— Щас... — Витька поудобнее усаживался в кресле. Морщась, трогал под коленкой след петушиного клюва. Слегка побелело. Но на Кригера он не злился. Сейчас они были вроде как союзники.

Дед отворачивался от Витьки к дисплею: «За что мне это наказание?.. Кларисса, конечно, поступила мудро, она всегда была практичная девица. А я — плати по вексялям...»

— Ну, а... — вполголоса говорил д'Эспозито и замолкал.

— Увы... — так же тихо откликнулся дед.

— Никакой информации?

— Никакой. Даже у Скицына.

— А при чем Скицын? Ведь с ним-то он как раз воевал больше, чем со всеми.

— Ну, знаешь ли... Милые бранятся — только тешатся...

— Гм... А чем он там все-таки занят?

— Ты *меня* спрашиваешь? Может, он шлет научные отчеты?.. Скорее всего, он *ничем* не занят. Полагает, что сам факт его перехода есть подтверждение всех его дилетантских теорий...

— «Дилетантских»... Помилуй, Аркадио! Ты же сам понимаешь, что...

— Ничего я не хочу понимать! Авантюризм и наука несовместимы!

Витька равнодушно плевал себе на ногу и растирал по ней следы машинной смазки — она осталась после ремонта старенького, расхлябанного велосипеда «Кондорито», найденного для директорского внука среди обсерваторского утиля. Взрослые, видимо, думали, что он их разговора не понимает, не догадывается, что речь идет об отце.

О том, что случилось с отцом год назад, все говорили уклончиво. Даже Скицын. И все-таки кое-что Витька знал. Михаил Алексеевич Мохов был одним из сотрудников группы «Кристалл-2», резко ушел в исследования в сторону от главной темы и настаивал на практической проверке своих выводов. Ввел понятия пятимерной системы межпространственных координат и Мёбиус-вектора. Все это достаточно ошарашивало всех, кроме младшего научного сотрудника Скицына. Однако и он в чем-то поддерживал